

К РАСПОЗНАВАНИЮ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА СМЫСЛА ВЫСКАЗЫВАНИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ)

И.М.Кобозева

В современной философии сознания важнейшим атрибутом сознания считается интенциональность. Интенциональность — это свойство сознания, благодаря которому его состояния характеризуются как имеющие содержание, заключающее в себе информацию о чем-то, что находится вне сознания, и как включающие определенный вид установки по отношению к этому содержанию (см. [Lyons 1995]). Под понятие интенциональности подводится все многообразие тех форм, в которых сознание может быть направлено на объекты или положения дел в мире. Как пишет Дж. Серль, “Мои субъективные состояния соединяют меня с остальным миром, и общее имя этой связи есть *интенциональность*” [Searl 1998, Ch. 4].

Философы до сих пор не пришли к согласию относительно природы интенциональности. “Элиминативные” материалисты считают, что реально существуют только определенные состояния нейронов в мозгу человека. Зрелая когнитивная наука выявит и систематизирует их совершенно не так, как это сделано в “наивной”, или “народной”, психологии, оперирующей в интенциональных терминах убеждений, желаний, страхов и т. п. (см. напр. [Churchland 1981]) В известной концепции “интенциональной стратегии” (intentional stance) Д. Деннета “интенциональный язык”, т. е. язык, который мы используем, говоря о своем психическом состоянии или приписывая такие состояния другим, рассматривается всего лишь как выработанный в ходе эволюции полезный и удобный способ понимания, объяснения и предсказания поведения, а на самом деле мысли и желания люди имеют лишь в таком смысле, в каком они имеют центр тяжести, а Земля — экватор (см. [Dennett 1987]). Есть среди философов и те, кто отстаивает принципиальную нередуцируемость интенциональности на том основании, что все существующие попытки описать ментальные феномены без обращения к интенциональным категориям упускают главное — присущее многим ментальным состояниям качественно специфическое субъективное переживание (проблема qualia) (см., напр., Серль 2002). Как бы то ни было, никто не отрицает того, что собственная и чужая психическая активность осмысливается человеком в интенциональных терминах. О ней мы думаем и говорим в языковой форме, которая включает в себя предикат, обозначающий определенный вид состояний сознания, первый акт которого отсылает к субъекту сознания, а второй выражает содержание этих действий или состояний: *Я думаю, что этот дом был построен в конце XIX – начале XX века; Он боялся опоздать на лекцию. Эксперты сомневаются в подлинности документа.* Таким образом, проблема интенциональности, как и многие другие проблемы сознания, имеет самое непосредственное отношение к лингвистике, и, прежде всего к лингвистической семантике и прагматике.

Переходя от рассмотрения сознания как такового к опредмечиванию его в языке, следует отметить, что в отличие от первичной интенциональности сознания, язык обладает вторичной интенциональностью в том смысле, что он служит для экстерииоризации и передачи первичных интенциональных состояний говорящего человека.

Понятие интенциональности проникло в лингвистику через посредство теории речевых актов, концептуальный аппарат которой был в основной своей части успешно приспособлен лингвистами для целей семантического анализа. Однако, в отличие от таких понятий теории речевых актов, как перформативность или иллокутивная сила (функция), понятие интенциональности до сих пор не было по-настоящему освоено лингвистами. Оно не получило общепринятого лингвистического содержания, соотносимого с его широким философским пониманием. В данной работе мы предлагаем такую лингвистическую трактовку интенциональности, которая, с одной стороны, не противоречит философской традиции и общепринятой лингвистической терминологии, а с другой стороны, позволяет свести к общему знаменателю многочисленные описательные результаты в области лингвистической семантики, часто сформулированные в несопоставимых терминах. По сути дела в основе тех языковых явлений, которые ранее характеризовались в терминах модуса, субъективной и объективной модальности, пресуппозиции,

условий успешности речевого акта, исходного предположения (установки), оценочной коннотации и ряда других лежат интенциональные состояния сознания говорящего. Существенной частью смысла высказывания, дополняющей его пропозициональное содержание, является, таким образом, более или менее сложный интенциональный комплекс, включающий в себя информацию обо всех интенциональных состояниях сознания говорящего, прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно закодированных в его языковой структуре. Этот комплекс мы и имеем в виду, когда говорим об **интенциональном компоненте смысла высказывания**.

Пропозициональный компонент смысла высказывания заключает в себе информацию о некотором положении дел в мире, а интенциональный компонент — о (подлинных или симулируемых) интенциональных состояниях говорящего (далее для краткости называемых интенциями¹ или ИС). Содержанием или объектом интенций может быть не только пропозициональное содержание высказывания в целом или та или иная его часть, но и тот или иной элемент коммуникативной ситуации. Приписывание говорящему определенных интенций на основе его высказывания — необходимое условие такого понимания, достижение которого может быть описано как “я вас понял (= я понял, что вы хотите этим сказать/имеете в виду)”. Работы по семантике высказывания и прагматике речевого общения содержат многообразные сведения о тех вербальных и невербальных «ключках», на основе которых коммуниканты распознают интенции друг друга, принадлежащие к различным модальностям — восприятия, мысли, волевых установок, эмоциональных состояний и отношений, но все эти ценные наблюдения до сих пор не систематизированы под углом зрения проблемы распознавания интенционального компонента смысла высказывания.

В компетенцию лингвистической семантики и прагматики входят следующие аспекты изучения интенциональности: 1) по возможности полное и точное описание лексического значения терминов национальных “интенциональных языков”, иначе говоря, национально-специфических вариантов “наивной” или “народной психологии” и выявление универсальных компонентов этих значений как терминов того метаязыка, средствами которого можно адекватно отразить те самые *qualia* — субъективно переживаемые качественные отличия одного интенционального состояния от другого; 2) выявление типов языковых единиц и конструкций, в семантике которых имплицитно присутствует информация об интенциональном состоянии говорящего и описание этой информации в терминах национального и/или универсального интенционального метаязыка; 3) построение модели приписывания говорящему определенных интенциональных состояний на базе того, что и как он говорит, которое составляет интегральную часть понимания речевого смысла высказывания. В данной работе мы остановимся только на первом из указанных вопросов.

Основным естественно-языковым средством обозначения интенциональных состояний являются так называемые предикаты пропозициональной установки (ППУ), а также образованные от них (в том числе и супплетивным способом) абстрактные существительные (*мнение, стремление, опасение* и т.п.). Онтологическая специфика денотатов этих слов (независимо от того, какой трактовки интенциональности мы придерживаемся) исключает возможность их непосредственного объективного наблюдения, то есть наблюдения извне, со стороны, и анализа естественнонаучными методами. В психологии феномены сознания, соответствующие ИС, исследуется либо методом интроспекции, либо методами, которые оперируют косвенными данными (см., например, социально-психологические модели приписывания ИС субъекту на основе его поведения в ситуациях определенного типа). Важнейший тип косвенных данных об ИС — это слова естественных языков, обозначающие соответствующие явления внутреннего мира. В значениях этих слов зафиксированы результаты опыта интроспекции многих поколений людей — “народная психология”, доказавшие свою адекватность уже тем, что использование этих слов обеспечивает приемлемый уровень взаимопонимания между людьми. В рамках “лингвистической философии” важность изучения обыденного употребления слов для прояснения сути обозначаемых ими философских категорий, и в том числе ИС, была осознана уже давно, и представители этого направления дали целый ряд более или менее удачных образцов такого изучения. Однако, как справедливо отмечает И. Б. Шатуновский, “они не могли в полной мере реализовать свой тезис вследствие отсутствия необходимой теоретической и методологической собственно лингвистической базы” [Шатуновский 1996, 249]. В лингвистике проблемы соотношения языка, сознания и мышления, первоначально относившиеся к компетенции философии языка и рассматривавшиеся на самом общем уровне, в настоящее время стали объектом конкретных исследований.

¹ К сожалению, в российской лингвистике термин “интенция” обычно употребляется в не в том широком смысле, который ему придается в философии, а в узком смысле “(коммуникативного) намерения” (в том числе и в Кобозева 1986). Присущая английскому слову *intention* омонимия между специальным значением ‘интенция’ и обыденным значением ‘намерение’ и тот факт, что в первых переведенных на русский язык работах по теории речевых актов в связи с понятием иллокутивной силы рассматривались волитивные интенции, очень близкие к интенции намерения, в ряде случаев дало основание для перевода философского термина *интенция* словом обыденного языка *намерение* (см., напр., Стросон 1986). При правильном употреблении данного термина намерение должно рассматриваться как частный случай интенции.

Лингвистическое изучение ППУ и шире — “интенционального словаря” на базе современных семантических теорий началось с 70-х годов прошлого века, а в нашей стране особенно интенсифицировалось в 80-е годы, когда при Институте языкознания начала работать под руководством Н. Д. Арутюновой проблемная группа “Логический анализ языка” (см. в особенности Логический анализ...1988, 1989, 1991, 1993, Прагматика и проблемы интенциональности 1988). В трудах Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, М. А. Дмитриховской, Анны А. Зализняк, И. М. Кобозевой, Н. И. Лауфер, И. Б. Шатуновского и др. проанализированы важнейшие термины “интенционального языка” — предикаты мнения, знания, убеждения, воли, желания, эмоционального состояния. На основе данных, полученных в этих исследованиях можно сделать следующие общие выводы: 1) множество ИС осмысливается как состоящее из нескольких качественно различных подмножеств (см., например, систему из четырех модальных планов — сенсорного, ментального, эмотивного и волевого в [Арутюнова 1999, 411]; 2) эти подмножества являются нечеткими и могут пересекаться, поскольку 3) многие ИС имеют сложную структуру, в состав которой входят более простые ИС (см. напр. ИС, являющееся денотатом глагола *бояться*, проанализированного в [Зализняк Анна 1983], которое является единством ментального и эмотивного ИС; 4) элементарные ИС, входящие в состав сложных ИС, имеют разную степень выделенности² — одни элементы сложного ИС как бы образуют “фигуру” на “фоне” других, что, в частности, находит отражение в членении значения ППУ на ассертивную и пресуппозиционную части (см. напр. анализ глагола *подозревать* в [Кобозева, Лауфер 1974]; 5) значение ППУ естественных языков, даже таких семантически простых, как *думать* или *хотеть*, не элементарно — ни одно из таких значений не может претендовать на роль универсального семантического примитива в силу уникальности их связей с другими значениями в данном языке и культуре (см. Апресян 1995, Т.2, 478-482); 6) как следствие этого, точным отражением простейших ИС в языке являются выявляемые методом семантического анализа элементарные смыслы, никогда не материализуемые в словах естественных языков, — “семантические кварки”, по выражению Ю. Д. Апресяна (см. Апресян 1995, Т.2, 478-482); 7) ППУ помимо основной информации о специфическом качестве ИС, переживаемого субъектом ППУ, несут дополнительную информацию об ИС говорящего, направленную на тот же интенциональный объект (см. напр. введенное еще П. и К. Кипарскими противопоставление фактивных и нефактивных предикатов [Kiparsky & Kiparsky 1968], позднее замененное более детальными классификациями в работах [Карттунен 1985, Зализняк Анна 1988], в основе которых лежат различия в эпистемическом ИС говорящего по отношению к содержанию сентенциального актанта ППУ); 8) различия между разными ППУ или разными значениями (употреблениями) одного и того же ППУ не всегда носят денотативный характер, они могут иметь и чисто коммуникативно-прагматическую природу (см. [Шатуновский 1996, 249-285]).

Исходя из данных, полученных в семантико-синтаксических исследованиях, посвященных ППУ, можно сделать вывод о том, что основными элементарными семантическими единицами, входящими в значение слов, обозначающих ИС, являются: ‘воспринимать’, ‘считать (иметь в уме)’, ‘хотеть’, ‘намерен’, ‘чувствовать (испытывать эмоцию)’, ‘достоверно’, ‘возможно’, ‘вероятно’, ‘хорошо’, ‘плохо’, ‘приятно’, ‘неприятно’. Однако семантика единиц интенционального словаря не сводится к конфигурациям подобных сем. В этом легко убедиться, перейдя от исследования ППУ к анализу их субстантивных дериватов, (*знание, мечта, желание, надежда* и т. п.). Предпринять независимый анализ семантики интенциональных имен побуждают два обстоятельства: 1) существование имен, не имеющих очевидного предикатного коррелята (например, *идея*); 2) проявление в сочетаемости этих имен концептуальной метафоры, обеспечивающей концептуализацию ИС и их объектов в терминах содержательных областей более конкретного характера на основе каких-то ощущаемых человеком сходств и аналогий между объектами и явлениями внутреннего и внешнего мира. Так, в [Кобозева 1993] дан анализ двух близких по значению ментальных имен — *мысль* и *идея*, выявляющий тонкие различия между обозначаемыми с их помощью объектами ИС, косвенно отражающими различия между самими ИС.

Весь безграничный мир возможных состояний внутреннего мира человека репрезентируется в каждом языке конечным числом слов, в значениях которых зафиксированы состояния, наиболее существенные для жизнедеятельности человека в условиях определенной культурной среды. Семантический анализ слов, обозначающих «общечеловеческие» ИС (т.е. таких, у которых есть в каждом языке почти точные переводные эквиваленты, см. например, анализ ядра русской эмотивной лексики в [Иорданская 1971] или вышеуказанные работы по семантике ППУ), и слов, обозначающих ИС, характерные именно для данной лингвокультурной общности и не имеющих точных лексических соответствий в других языках (см. например, анализ русского слова *тоска* и немецкого *Angst* в работах [Вежбицка 1999]), убедительно демонстрирует разложимость их значений на более простые составляющие, а, в конечном счете, на те самые «кварки», которые образуют универсальную метаязык описания всех в принципе возможных интенциональных состояний человеческого сознания. В значениях семантически простых, базовых слов «интенционального словаря» конкретных языков эти «кварки» обретают национально-специфическую форму, и уже в этом модифицированном виде входят в качестве семантических компонентов в значение многих полнозначных и служебных слов, а также синтаксических и лексико-синтаксических конструкций, не являющихся средствами первичной номинации интенций — глаголов речи,

² Анализ когнитивной категории выделенности и ее отражения в языке см в [Армеева 2001].

местоимений, междометий, модальных слов и частиц, побудительных, вопросительных и оптативных синтаксических типов предложений, а также разнообразных клишированных сентенциальных конструкций (коммуникативов). Анализируя информацию, кодированную сегментными и суперсегментными языковыми средствами, а также средствами невербальной семиотики интерпретатор распознает интенциональный компонент смысла высказывания, т.е. те составляющие интенционального состояния говорящего, которые тот предназначал для распознавания. Чтобы от этого перейти к распознаванию подлинных интенций говорящего, эта интенциональная информация должна сличаться с интенциональной информацией, передаваемой «языком тела» часто независимо от того, желает ли обитающее в данном теле сознание, чтобы она была распознана. Как и в случае анализа пропозиционального содержания высказываний, интенциональная информация, распознанная на более ранних этапах, может уточняться и корректироваться в ходе анализа следующих высказываний того же субъекта речи.

Сознавая всю сложность задачи моделирования (тем паче компьютерного) распознавания интенционального состояния говорящего, мы вместе с тем нисколько не сомневаемся, что в том или ином виде соответствующий компонент входит в любую модель коммуникативного взаимодействия, и при его разработке следует полнее учитывать те описательные результаты, которые получены в семантических и прагматических исследованиях.

Литература

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды, том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
2. Армеева А. Р. Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1996.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
4. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М., 1999.
5. Зализняк Анна А. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. Лит. и языка, 1983, т. 42, № 1.
6. Зализняк Анна А. О понятии имплицативного типа [для глаголов с пропозициональным актантом] // Логический анализ ... 1988, с. 107–121.
7. Иорданская Л.Н. Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства.// Машинный перевод и прикладная лингвистика, вые. 13, 1971
8. Карттунен Л. Логика английских конструкций с сентенциальным дополнением // Новое в зарубежной лингвистике, М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика.
9. Кобозева И. М. Интенционал предложения и интенция говорящего // Анализ знаковых систем. История логики и методологии науки. Тезисы докладов IX Всесоюзного совещания. Киев: Наукова думка, 1986, с. 17-18.
10. Кобозева И. М. *Мысль и идея* на фоне категоризации ментальных имен // Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993, 95-104.
11. Кобозева И. М, Лауфер Н. И. Ограничения на сочетаемость (пресуппозиции) и их отражение на семантико-синтаксических свойствах слов (на примере русского глагола *подозревать*) // Языковая практика и теория языка. М., МГУ, 1974? с. 148-163.
12. Логический анализ языка. Знание и мнение. М.: Наука, 1988.
13. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.
14. Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991.
15. Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.
16. Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
17. Серл Дж. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002.
18. Стросон П. Ф. Намерение и конвенция в речевом акте // Новое в зарубежной лингвистике, М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. Теория речевых актов.
19. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

20. Churchland P. M. Eliminative materialism and the propositional attitudes // *Journal of philosophy*, v. 78, 1981, pp. 67-90.
21. Dennett D. A. *Intentional stance*. Cambridge MA: MIT Press, 1987.
22. Kiparsky P, Kiparsky C. Fact // Bierwisch and Heidolf (eds.) *Recent Advances in Linguistics*, The Hague: Mouton, 1968.
23. Lyons W. E. *Approaches to intentionality*. Oxford: Clarendon Press, 1995.
24. Searl J.R. *Mind, language and society (Philosophy in the real world)*. Masterminds, Basic books, 1998.